

Секция «Юриспруденция»

**Рассуждения по вопросу определения объекта мониторинга применения
законодательства в России**

Иванов Илья Тимофеевич

Аспирант

Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации,

Послевузовского профессионального образования, Москва, Россия

E-mail: 4rbt@mail.ru

Явление правового мониторинга с каждым годом занимает все более и более важное место в правовой системе современной России.

Анализ практики реализации мониторинга применения законодательства дает основания сделать вывод о наличии обширной общетеоретической проблематики мониторинга применения законодательства. Российские ученые имеют различные взгляды на объект правового мониторинга.

Так, некоторые ученые полагают, что объектом мониторинга являются отдельные отрасли права, либо их отдельные институты, либо отдельные правовые нормы [7]. Согласно другому подходу, объектом мониторинга является само законодательство, нормативные акты [5].

С такими подходами к определению объекта мониторинга правоприменения вряд ли можно согласиться. При таких подходах цель мониторинга сводится к выявлению возникших по факту правотворческой деятельности противоречий в нормах и устранению противоречий посредством новых правотворческих процедур и усилением контроля за правоприменением. Причины, порождающие такую ситуацию, когда законодатель выражает свою волю противоречивым, коллизионным образом, остаются за рамками мониторинговой деятельности.

Более правильной представляется точка зрения тех ученых, которые полагают, что объектом мониторинга правоприменения является сам процесс применения права как одна из форм реализации права. Однако следует отметить, что правоприменение представляет собой только одну из форм реализации права. Акты реализации прав и обязанностей, акты толкования правовых предписаний оказывают не менее важное влияние на качество реализации правовых предписаний. В этой связи закономерна точка зрения о том, что объектом мониторинга правоприменения являются регулируемые законодателем общественные отношения, регулирующие их правовые нормы, процесс правоприменения указанных норм, а так же иные формы их реализации, включая акты толкования, возникающие в результате воздействия правовых норм на регулируемые общественные отношения [2]. Такой подход основывается на категории «правовое пространство». То есть, объектом мониторинга правоприменения является юридическая практика как фактический итог правовых норм и практики их регулятивного воздействия на общественные отношения.

Такая точка зрения представляется правильной, поскольку становится очевидно, что любая взятая по отдельности норма права не способна быть единственным регулятором в реальных жизненных отношениях. Скажем, простой обыватель, соблюдая требования правовых предписаний, редко задумывается о наличии или отсутствии конкретных норм права, руководствуясь зачастую в своем поведении нормативными поло-

жениями более «высокого» ранга, находящимися как бы «выше» конкретных правовых норм. На что обращал внимание еще в начале XX века Л.И. Петражицкий, который в своей работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» через исследование субъективных психических императивно-атрибутивных эмоций пришел к выводу о социальной природе права, выражающуюся через подсознательное приспособление индивидуальных психических переживаний к потребностям общества, указывая, что «право не «выдумывается» людьми, а представляет собой «бессознательный процесс социально-психического приспособления к требованиям «социально-разумного поведения» [6].

К числу нормативных положений более «высокого» ранга можно отнести принципы права, общие правовые начала сфер правового регулирования, аспекты правосознания, догмы правовой идеологии, аспекты правоприменительной практики и так далее, и это, не говоря уже о том, что многие правовые нормы оказывают «параллельное» регулятивное воздействие с нормами морали, этики, религии, эстетики и так далее. В этой связи следует согласиться с С.С. Алексеевым, который отмечает что «норма или ассоциация норм как бы окутана «облачком» правосознания, правовой идеологии, через которое те или иные стороны нормативного материала получают специфическое выражение». [1]

Такой подход к определению объекта мониторинга применения законодательства в наибольшей степени соответствует общепризнанному современному научному подходу к проблеме механизма правового регулирования.

Любая социальная деятельность есть связь нескольких субъектов, при которой интересы одного субъекта удовлетворяются посредством качеств, присущих другому субъекту. Любое определение законодателем модели правомерного поведения субъектов в отрыве от учета их потребностей и интересов будет неадекватным к реальным общественным процессам. Тогда такое правовое регулирование будет «демотивировать» субъекта правового предписания к его исполнению.

Право регулирует напрямую не интересы людей, а их действия и поступки, в которых искомые интересы индивидов лишь проявляются. Представляется правильной мысль о том, что «интересы представляют собой необходимый социальный материал для конструирования права, его форм, понятий, принципов» [4].

Важно принимать во внимание наличие в правовых нормах не только процессуальных средств защиты интересов индивида, на что указывал еще Рудольф Иеринг [3], но и наличие (отсутствие) юридических механизмов, предназначенных для «синхронизации» притязаний юридического характера индивидов друг к другу, степени их дифференциации, глубины их проникновения в правовую материю.

Таким образом, мы видим, что объектом мониторинга применения законодательства являются правовые нормы, их правоприменение и иные формы их реализации. При таком подходе механизм правового регулирования можно рассматривать как существенную составную часть мониторинга правоприменения, важное средство его осуществления и изучения. Только при таком подходе к определению объекта мониторинга применения законодательства данный вид юридической деятельности может приобрести целостно-системный, рационально-научный характер.

Литература

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 73.

2. См. Барциц И.Н. Правовое пространство России: Вопросы конституционной практики. М., 2000.
3. См. Иеринг Р. Борьба за право М., 1991. С. 5; Иеринг Р. Теория владения. СПб, 1895. С. 4.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 313.
5. См. Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве. Дисс. . . . канд. юрид. наук. М., 2008. С. 30.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 158.
7. См. например, Степанищев В.Ф. Роль органов юстиции в обеспечении единого правового пространства РФ. Дисс. . . . канд. юрид. наук. Тюмень, 2003.